

Город в Новом Свете в эпоху Конкисты

© Кофман А.Ф., 2024

Андрей Федорович Кофман, д-р филол. наук, заместитель директора по научной работе Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН, заведующий Отделом литератур Европы и Америки Новейшего времени.
121069, Москва, ул. Поварская, 25а
ORCID: 0000-0002-3799-9343 E-mail: andrey.kofman@gmail.com

Аннотация. В мышлении испанских конкистадоров присутствует четкое разграничение целей и задач экспедиций, выраженное оппозицией глаголов *poblar* (заселять), связанного с цивилизаторской деятельностью, включая строительство поселений и городов (*pueblos*), и *rescatar* (одно из значений — вести меновую торговлю), подразумевающего осуществление рейдов в поисках добычи. Сам факт основания города для испанцев означает начало колонизации края, это своего рода «дверь» для проникновения «вглубь земли». Особенность заселения Нового Света в эпоху Конкисты заключена в том, что любому поселению изначально придается статус города и центра. На громадных неосвоенных территориях любой форт выступает в роли города как оплота оседлости, антипода бескрайнего, хаотичного, дикого пространства.

Образ туземного города, сложившийся в сознании конкистадоров, представлен в двух различных ипостасях: город реальный и город мифический; притом, если испанские города в Новом Свете расположены в исключительно позитивном семантическом поле, то индейский город, будь то реальный или мифический, — пространство контрастное, амбивалентное, желанное и вместе с тем неизбежно опасное.

В истории испанского исследования и завоевания Нового Света мифические индейские города сыграли куда большую роль, нежели туземные реальные города. Главнейшим стимулом Конкисты стали поиски мифических царств и городов, и большинство ширококомасштабных экспедиций в Америке было совершено именно в погоне за химерами. Эти экспедиции не приносили добычи, зато приносили географические открытия. Разгоряченная фантазия конкистадоров способствовала тому, что громадные неизведанные земли в ареале испанского завоевания были в общих чертах обследованы в кратчайший исторический срок.

Ключевые слова: Новый Свет, Конкиста, испанский город, индейский город, мифический город

Для цитирования: Кофман А.Ф. (2024) Город в Новом Свете в эпоху Конкисты. *Ибероамериканские тетради*. № 1. С. 101–122. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-101-122

Конфликт интересов: Автор заявляет об отсутствии потенциального конфликта интересов.

Ciudad en el Nuevo Mundo en la época de la conquista

© Kofman A.F., 2024

Andrey F. Kofman, Doctor en filología, vicedirector, jefe del Departamento de Literatura Contemporánea de Europa y América, Instituto de Literatura Mundial Máximo Gorki de la Academia de Ciencias de Rusia.

121069, Rusia, Moscú, calle Povarskaya, 25a

ORCID: 0000-0002-3799-9343

E-mail: andrey.kofman@gmail.com

Resumen. Los conquistadores españoles percibían claramente los objetivos diferentes de sus viajes, y esa diferencia la reflejan los verbos distintos: *poblar* comprende fundar pueblos y ciudades, a saber, realizar actividades civilizadoras, mientras que *rescatar* supone realizar comercio o hasta ranchar la tierra. El que los españoles fundaran una ciudad significaba que empezaron a colonizar el territorio usándola como una «puerta» para ir «tierra adentro». La colonización del Nuevo Mundo estuvo marcada por un rasgo particular: cada pueblo gozaba de estatus de ciudad y centro desde el principio. Cualquier fortaleza servía de ciudad como símbolo de asentamiento en las tierras enormes, era una antítesis al espacio infinito, caótico y salvaje.

La imagen de una ciudad indígena que los conquistadores tenían en la mente se manifiesta en dos formas: la ciudad real y la mítica. Mientras que no dejaban de percibir las ciudades españolas en el Nuevo Mundo desde una óptica positiva, la ciudad indígena, ya sea real o mítica, se les antojaba ambivalente y peligrosa, pero al mismo tiempo los atraía.

Las ciudades indígenas míticas desempeñaron un papel mucho más importante que las ciudades indígenas reales en la historia de la Conquista española. Fue la busca de reinos y ciudades míticos la que fomentó en gran medida la Conquista, ya que la mayoría de las expediciones más grandes se realizaron en América para perseguir quimeras. Aquellas expediciones no traían riqueza sino llevaban a descubrimientos geográficos. Las fantasías de los conquistadores los impulsaron a que exploraran enormes tierras conquistadas en un período de tiempo muy corto desde un prisma histórico.

Palabras clave: Nuevo Mundo, conquista, ciudad española, ciudad indígena, ciudad mítica

Para citar: Kozhanovsky A.N. (2024) Kofman A.F. (2024) Ciudad en el Nuevo Mundo en la época de la conquista, *Cuadernos Iberoamericanos*, no. 1, pp. 101–122. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-101-122

Declaración de divulgación: El autor declara que no existe ningún potencial conflicto de interés.

Town in the New World During the Spanish Colonization of the Americas

© Kofman A.F., 2024

Andrey F. Kofman, Doctor of Philology, Deputy director, Head of the Department of Modern European and American Literature, A.M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Science.

121069, Russia, Moscow, Povarskaya street, 25a

ORCID: 0000-0002-3799-9343

E-mail: andrey.kofman@gmail.com

Abstract. Spanish conquistadors drew a clear distinction between their objectives as they embarked on expeditions, with two contrasting verbs highlighting the difference: the verb *poblar* (to populate) involved establishing settlements and towns (pueblos), whereas the verb *rescatar* implied trading or even raiding the land. Founding a town meant the conquistadors started to colonize the area, relying on it as a «door» to go «deep in to the territory». Spanish colonization of the New World was marked by an important feature: any settlement was granted the status of a town and center from the outset. Any fort served as a town, a foothold for settlement in a vast unexplored area; it was the antithesis of endless and chaotic wilderness.

The image of an indigenous town that conquistadors had in mind manifested itself in two forms, namely, a real town and a mythical one. While the perception of Spanish towns in the New World was unfailingly positive, an indigenous town, whether a real or mythical one, was deemed ambivalent, dangerous yet appealing.

Mythical indigenous towns played a more important role in the history of Spanish exploration and conquest of the New World than real indigenous towns. It was the quest for mythical kingdoms and towns that became the main driving force behind Spanish colonization of the New World, as most major expeditions in America were launched to pursue pipe dreams. Those expeditions failed to generate wealth yet they resulted in geographical discoveries. Conquistadors' fantasies prompted them to explore the great wilderness in a short period of time from a historical perspective.

Keywords: New World, Spanish colonization of the Americas, Spanish town, indigenous town, mythical town

For citation: Kofman A.F. (2024) Town in the New World During the Spanish Colonization of the Americas, *Iberoamerican Papers*, no. 1, pp. 101–122. DOI: 10.46272/2409-3416-2024-12-1-101-122

Disclosure statement: No potential conflict of interest was reported by the author.

В рамках компаративных исследований двух столь разных миров — западноевропейского и латиноамериканского — несомненный интерес представляет сравнительный анализ образов испанского и индейского городов. Изучение подходов конкистадоров в рамках оппозиции *conquistar* (*при*-своение) и *poblar* (*о*-своение) обуславливает актуальность работы в более широком смысле, приоткрывая пути к осмыслению различных стратегий освоения и развития территорий. Подробное рассмотрение практики основания испанских городов, выраженное глаголом *poblar* (заселять), связанным с цивилизаторской деятельностью, позволяет сделать новые для российской историографии выводы о проникновении «вглубь земли», одновременно подчёркивая особенности заселения Нового Света в эпоху Конкисты. В то же время теоретическое значение имеет и детальный анализ образа туземного города, сложившийся в сознании конкистадоров. Он представлен сразу в двух различных ипостасях: город реальный и город мифический.

Следует разделить два понятия, каждое со своей историей и со своим семантическим полем: город испанский и город индейский. Соответственно, статья содержит два раздела.

Испанский город

Распространены представления, будто испанцы рвались в Америку для того лишь, чтобы разбогатеть одним махом, а затем вернуться восвояси и остаток дней прожить в довольстве на родине. На самом деле все обстояло совсем иначе. Конкистадоры пришли в Новый Свет, чтобы стать здесь хозяевами, — а хозяином себя можно чувствовать только в собственном доме, обставленном и украшенном по своему вкусу [Кофман, 2006].

Хронист Франсиско Лопес де Гомара (Francisco López de Gómara, 1511–1559) писал: «Кто не заселит, не совершит хорошей конкисты; а не покорив землю, не обратишь язычников в христианство; посему главной задачей конкистадора должно стать заселение» [Durand, 1953: 70]. И большинство завоевателей Нового Света подписались бы под этими словами. Конкистадор мог стать во главе экспедиции и отправиться в Новый Свет, лишь заключив с королем или с президентом Королевского Совета по делам Индий т.н. капитуляцию, договор, где было прописано и оговорено все, что можно было прописать и оговорить, и в этих документах прямо указывалось, сколько селений и городов обязывался основать генерал-капитан, будущий губернатор открытых и завоеванных им земель. И за этим пунктом очень ревностно следили королевские чиновники.

Conquistar y poblar / присвоение и освоение

В мышлении конкистадоров присутствует четкое разграничение целей и задач экспедиций, выраженное оппозицией *poblar/rescatar*. Если понятие *conquistar* подразумевает акт *при*-своения пространства, то глагол *poblar*

(заселять) — имеющий очень широкий круг значений, связанных с цивилизаторской деятельностью, включая строительство поселений и городов (*pueblos*), — подразумевает о-своение пространства: сделать его «своим», одомашнить его, перековать по европейскому регламенту. В конечном счете ради этого и совершается завоевание. Глагол же *rescatar* (одно из значений — *вести меновую торговлю*) обозначает рейды в поисках добычи; а поскольку «выменивание» золота часто приобретало характер откровенного грабежа, то в указанной оппозиции нередко фигурировал куда более откровенный по смыслу глагол *ranchear* (грабить) [Кофман, 2007].

Оппозиция *poblar/rescatar* составляет отдельный самозначимый «сюжет» в истории покорения Мексики, и вряд ли найдется пример, способный полнее раскрыть специфическое преломление этой оппозиции в сознании конкистадоров. Сначала этот «сюжет» связан с экспедицией Хуана де Грихальвы (Juan de Grijalva, 1490–1528) 1518 г., «коему Диего Веласкес приказал не заселять, а торговать»¹.

Первый контакт испанцев с ацтеками оказался мирным и завершился интенсивной меновой торговлей, когда испанцы выменяли на свои нехитрые товары неслыханную по тем временам сумму — двадцать тысяч песо золота². Однако уже не золото решало судьбу экспедиции, ее генерал-капитана де Грихальвы, да и Мексики в целом. Ее решал вопрос: что же делать дальше? Торговать — или заселять? Решение этого вопроса и стало ключевой задачей экспедиции Грихальвы, однако в документах и в исторических трудах этот эпизод оказался представлен в двух противоположных интерпретациях.

Автор одной версии — Хуан Диас (Juan Díaz, 1480–1549), капеллан экспедиции, написавший небольшую хронику похода. По его утверждениям, солдаты и капитаны настаивали на том, чтобы основать поселение, а Грихальва решил строго придерживаться инструкций Диего Веласкеса де Куэльяра (Diego Velázquez de Cuéllar, 1465–1524), что вызвало всеобщее недовольство: «Наши люди, видя, сколь благодатна та земля, задумали насильно заселить ее, но генерал-капитан тому воспротивился. А в результате он же больше всех и потерял от этого, ибо ему не хватило

Хуан де Грихальва на реке Бандерас в 1518 г. Музей Америки, Мадрид

¹ Díaz del Castillo B. Historia verdadera de la conquista de Nueva España. Barcelona. Ramón Sopena. 1975. P. 623.

² Песо — мера веса золота — 5,5 гр. — Прим. ред.

смелости овладеть той землей... Вот так мы и отплыли оттуда очень недовольные отказом генерал-капитана»³. И вывод: «Будь наш генерал-капитан смельчаком, мы бы добыли там более двух тысяч кастиельно, а из-за него мы не смогли ни золота наменять, ни землю заселить, ни сделать чего хорошего»⁴. По версии Диаса, поддержанной Бартоломе де Лас Касасом (Bartolomé de las Casas, 1484–1566), получается, что впоследствии капитаны обвиняли Грихальву перед Веласкесом за отсутствие инициативы, за то, что не заселил новооткрытые земли, и губернатор с этими обвинениями согласился. Прямо противоположную версию излагает Берналь Диас дель Кастильо (Bernal Díaz del Castillo, 1496–1584), автор замечательной хроники «Подлинная история завоевания Новой Испании» («Historia verdadera de la conquista de la Nueva España», 1568): по его словам, Грихальва вознамерился основать поселение на берегах Рио-де-лас-Бандерас, а капитаны Монтехо (Francisco de Montejo, 1479–1553) и Авила (Pedro Arias de Ávila, 1440–1531) считали, что для этого у них недостаточно сил, и вместе с солдатами выступили за возвращение на Кубу⁵. Неважно в данном случае, кто прав; важно то, что понятие «poblar» включает в себе инициативу, смелость, волю к подлинному — а не только на бумаге — овладению землей. Действительно, сколь велика ни оказалась добыча, сколь важные открытия ни были совершены, итог экспедиции Грихальвы все ее участники единодушно оценивают негативно — оттого, что не «заселил». Пример Грихальвы послужит хорошим уроком Кортесу (Hernán Cortés, 1485–1547), который в сходных обстоятельствах и, что примечательно, в том же месте проявит куда больше настойчивости.

Кортесу, как выяснилось по прибытии в Мексику, Веласкес также предписал не заселять, а торговать, что и побудило солдат взбунтоваться против решения губернатора Кубы и выдвинуть требование основать город — этому эпизоду посвящена 42-я глава хроники Берналя. Тайной пружиной бунта является, конечно же, сам Кортес, которому важно ни в коем случае не допустить возвращения войска на Кубу; но внешне все выглядит так, будто солдаты заставили его основать поселение: «И Кортес ответил, не выказывая обиды, что он не нарушит инструкции и мемориалы, данные ему сеньором Диего Веласкесом, и затем приказал завтра же грузиться на корабли; мы же, сговорившись заранее, отвечали ему, мол, нехорошо нас обманывать, ведь на Кубе он говорил, что отправляется заселять, а на самом деле, как выясняется, не имел на то полномочий и прибыл торговать; и мы потребовали именем Господа Владыки нашего и именем его величества, чтобы он немедленно основал поселение и не делал ничего иного, ибо тем самым он сослу-

³ Díaz J. Itinerario de la armada del Rey Católico a la isla de Yucatan, en la India en el año 1518, en la que fue por comandante y capitán general Juan de Grijalva. La conquista de Tenochtitlán. Madrid. Dastin. 2002. P. 51.

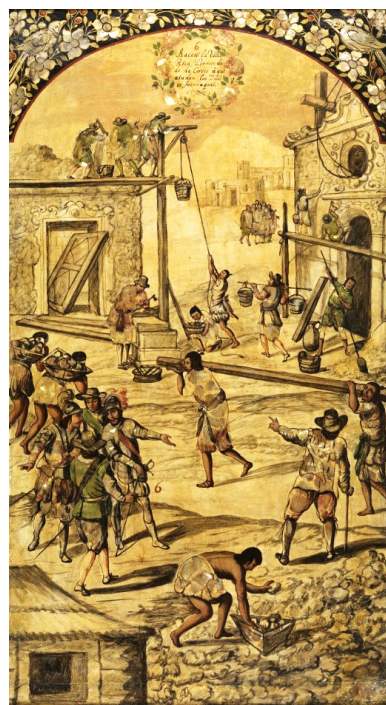
⁴ Díaz J. Itinerario de la armada del Rey Católico a la isla de Yucatan... P. 54.

⁵ Díaz del Castillo B. Historia verdadera de la conquista de Nueva España... P. 119.

жит добрую службу Господу и его величеству, и много прочих разумных вещей мы ему сказали по этому поводу <...> и заявили, что хотим заселить эти места, а кто этого не желает, пусть возвращается на Кубу. В конце концов, Кортес принял наше требование, хотя его долго пришлось уламывать, как говорится, чем больше я того хочу, тем больше ты меня проси»⁶.

Выделенная оппозиция обозначает две, в сущности, противоположные стратегии — колонизаторскую и пиратскую. Надо признать, что по части инициативы и энергетики пираты ни в чем не уступят конкистадорам; но, в отличие от последних, они не были способны к двум вещам: они не умели вести сколько-нибудь длительную совместную военную кампанию и совершенно не были настроены на созидательную деятельность. Конкиста прихотливо сочетала в себе обе стратегии, и все же первая решительно превалировала — будь иначе, не стало бы возможным в кратчайший исторический срок заложить основы того, что будет названо латиноамериканской цивилизацией.

Экспедиции, посланные лишь с целью добычи золота, завершались возвращением в исходный пункт без попыток закрепиться на новооткрытых землях. Эти набеги, безусловно, могли приносить важные географические открытия и ценную информацию, но подлинное овладение пространством Нового Света было немыслимо без заселения [Кофман, 2022]. Это хорошо понимали конкистадоры — помимо вышеприведенных фрагментов, стоит привести еще один, из хроники Педро де Кастаньеды (Pedro de Castañeda, 1515–1570), где очень ясно выражено отношение конкистадора к земле: «Сколь часто бывает так, что, имея в руках драгоценную вещь, мы не ценим и не бережем ее должным образом, и чем дольше ею владеем, тем меньше ценим, и лишь когда потеряем ее, понимаем, насколько она была полезна, и ощутим превеликую печаль в сердце от ее отсутствия, и начнем изыскивать всевозможные способы, как бы ее вернуть. Вот так и случилось с теми, кто в году от Рождества Христова тысяча пятьсот сороковом отправился вместе с Франсиско Васкесом де Коронадо (Francisco Vázquez de Coronado, 1510–1554) на поиски страны семи городов, ибо, не найдя тех богатств, о коих они получили известия, они нашли

Строительство города
Вилья-Рика-де-ла-Велакрус
(основан Э. Кортесом в 1519 г.).
Мигель и Хуан Гонсалес, 1698

⁶ Díaz del Castillo B. Historia verdadera de la conquista de Nueva España... P. 174.

добрую землю для заселения, дабы оттуда продвигаться вперед; но, завоевав эту землю, они ее покинули, и по прошествии времени плачут сердца их о том, что утеряли они, имея в руках...»⁷. Сходным образом хронист Лопес де Гомара объясняет провал экспедиции Эрнандо де Сото (Hernando de Soto, 1500–1542), который прошел около четырех тысяч километров по североамериканскому матерiku: «Он не заселил эти земли, и оттого сам погиб и загубил тех, кого повлек за собою. Никогда ничего путного не выйдет у конкистадоров, ежели наперед всего они не будут думать о заселении...» [Durand, 1953: 70]. Важен не только город как таковой; не менее значима окружающая его система энкомьендас (encomiendas — земельные владения с прикрепленными к ним индейцами), которая стала оплотом оседлости, привязывая конкистадора к завоеванной земле [Кофман, 2007].

В большинстве анализируемых текстов понятие *poblar* неизменно выступает с позитивным знаком, тогда как понятие *rescatar* часто бывает негативно окрашенным. Такое созидательное отношение к земле с течением времени все глубже проникало в сознание конкистадоров, которые быстро сообразили, сколь эфемерным в Новом Свете оказывается золото.

«Вглубь земли»

Селение, город (*pueblo, ciudad*), будучи одним из базовых понятий Конкисты, в сознании конкистадора обретает различные, хотя подчас и взаимосвязанные значения. Сам факт основания города для испанцев означает начало колонизации края, это база для дальнейшего продвижения в пространстве, своего рода «дверь» для проникновения «вглубь земли» [Кофман, 2007].

Имеет смысл сказать несколько слов об этом специфическом понятии. Привычные пространственные координаты в сознании конкистадора вытесняются специфической координатой — предельно обобщенной и самой смутной из всех возможных, но имеющей для первопроходца исключительную значимость. Эта координата обозначается словосочетанием *tierra adentro* — в глубине земли (а с глаголом движения — в глубь земли), которое в том или ином контексте встречается постоянно. Собственно, именно туда, в глубь земли, пролегает путь конкистадора. Как видно, в сознании конкистадора пространство Нового Света делится на два несопоставимых по протяженности сегмента. Первый — внешнее пространство: чаще всего побережье, которое обычно служит исходным пунктом экспедиции; в этой роли также может выступать река или город, откуда отправляется экспедиция. Внешнее пространство носит пограничный характер: это своего рода трамплин для рывка в неведомое. Другой сегмент Нового Света — огром-

⁷ Castañeda de Nájera P. de. Relación de la jornada de Cíbola. Editado por John Miller Moris. Chicago. The Lakeside Press. 2002. P. 60.

ное внутреннее пространство. Главное, чем различаются внешнее и внутреннее пространства — тем, что первое уже известно, оно развернуто или разворачивается перед глазами, а второе — неизвестно, сокрыто, и потому ему в полной мере свойственны такие характеристики, как таинственность и непредвиденность.

Именно этот образ возникает в письме Вальдивии (Pedro de Valdivia, 1497–1553), когда он называет основанный им город Сантьяго «ключом» и говорит, что «это дверь для проникновения вглубь земли, и дабы не закрылась она, я не пожалел трудов и трат для возведения и удержания оного, не имея с того никакой личной выгоды»⁸.

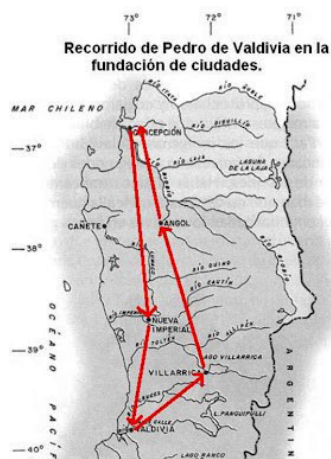
Основание Сантьяго (1541). Педро Ли́ра. 1888

Но понятие «вглубь земли» бывает растянуто неизмеримо, и на отдалении трехсот-четырехсот километров поселение практически перестает служить надежной базой, с которой можно быстро связаться, — и тогда надо создать новый опорный пункт: он маркирует присвоенный сегмент пространства и станет новой границей, очередной исходной точкой для проникновения «внутрь земли». Поселения как бы отмечают поступь цивилизации в диком пространстве, и сам процесс продвижения по землям Нового Света предстает как процесс заселения: «Пятого октября 1550 г. я основал (*poblé*) город Консепсьон, заселив в нем сорок жителей, в марте 1551 г. основал город Империяль, где поселил еще восемьдесят жителей, в феврале нынешнего 1552 г. заселил город Вальдивия, который должен прокормить сотню жителей... Затем, через два месяца, я заселил город Вилья-Рика там, где будет открыто (*por donde se ha de descubrir*) Северное море⁹: в нем я оставил пятьдесят жителей, все с индейцами; и так я буду продвигаться, завоеывая и заселяя, пока не выйду к Магелланову проливу...»¹⁰. Так создается сеть поселений, как бы «накрывающая», «улавливающая» дикое пространство [Кофман, 2007].

⁸ Valdivia P. de. Cartas al emperador. Cunningham G.R.B. Pedro de Valdivia. Buenos Aires. 1943. P. 184.

⁹ Северным Морем в противовес Южному Морю (Тихому океану) испанцы называли Атлантический океан. — Прим. ред.

¹⁰ Valdivia P. de. Cartas al emperador... P. 248.

Поселения, которые основал
Педро де Вальдивия

Важно подчеркнуть, что селения отстоят на очень значительные расстояния друг от друга, тем самым каждое становится «центром» целого края, или, как говорили конкистадоры, «земли» либо «провинции». Особенность заселения Нового Света в эпоху Конкисты заключена в том, что любому поселению, сколь бы убогим оно ни было, изначально придается статус города и центра (так, в вышеприведенном фрагменте Вальдивия упорно использует слово *ciudad*), что обусловлено отнюдь не тщеславием его основателей. На громадных неосвоенных территориях любой форт — будь в нем хоть три десятка человек за частоколом — действительно выступает в роли города как оплота оседлости, антипода бескрайнего, хаотичного, дикого пространства; он действительно

становится центром раскинувшихся вокруг земель. Лишь после завершения эпохи Конкисты в материковой Америке начнет устанавливаться иерархия населенных пунктов, и все равно эта иерархия будет значительно отличаться от европейской, ибо американское «захолустье» еще долго будет играть роль форпоста цивилизации, границы и одновременно центра [Кофман, 2007].

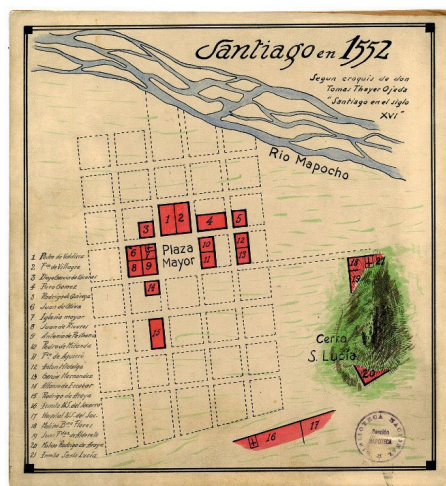
Наконец, испанское поселение воспринимается в его жизненно важной защитной функции. В ходе экспедиции отряд конкистадоров уязвим: пребывая в открытом пространстве, он оказывается со всех сторон открытым и для ударов. Город создает замкнутое, защищенное пространство — вполне в буквальном смысле, ведь его обносили частоколом или стенами из кирпича-сырца. Об этом очень ясно говорит Орельяна (Francisco de Orellana, 1511–1546), отмечая свои заслуги: «Я основал город, коему присвоил имя Сантьяго и основанием коего оказал и с тех пор продолжаю оказывать немалую услугу Его Величеству, ибо выбрал я для оного местность плодородную и богатую и место столь удачное, что через него всего удобнее подвозить провиант к городам Кито, и Пасто, и Попаян, а равно и к другим городам (сие очевидно уже ныне), которые будут возведены в будущем, без погибели испанцев и великих потерь; ведь если прежде сия провинция не была среди земель, подвластных его величеству, то теперь по землям ее разъезжают и странствуют безбоязненно, в одиночку или вдвоем или как заблагорассудится без малейшего риска для собственной жизни и имущества»¹¹.

¹¹ Орельяна Ф. де. Открытие великой реки Амазонки. Хроники и документы XVI в. о путешествиях Франсиско де Орельяны. Перев. с исп. С. Вайнштейна. Москва. Географгиз. 1963. С. 32–33.

Основание испанского города всегда сопровождалось торжественным обрядом с молебном и заведенными ритуалами, который удостоверял значимость происходящего события. Первым сооружением будущего города был позорный столб. Испанские города в Новом Свете строились приблизительно по одному плану. На центральной площади под названием Пласа де Армас располагались церковь (будущий кафедральный собор), дом губернатора, кабильдо (городское управление) и арсенал. Регулярная застройка осуществлялась по принципу шахматной доски: прямые улицы пересекались под прямым углом. Индейцы, не считая ближайшей obsługi, жили за пределами города.

Эту традицию коренным образом изменил Кортес, когда взялся создать столицу Мексики на месте разрушенного Теночтитлана. Этот город по замыслу Кортеса изначально создавался не для испанцев, а для совместного проживания индейцев и испанцев, что Кортес старательно подчеркивал в четвертом послании-реляции императору: «В городе, в его торговой и деловой жизни, сохраняется ранее заведенный порядок, и я предоставил индейцам столько свобод и привилегий, что каждый день сюда приходят на поселение новые жители, ибо живут они в свое удовольствие; ремесленники проживают здесь среди испанцев, равно как плотники, каменщики, гончары и прочие; и торговцы спокойно торгуют здесь своими товарами, и рыбаки занимаются ловлей, что было всегда главным городским промыслом, а прочие трудятся в своих садах и огородах, пожиная, в том числе, и плоды Испании, коих смогли мы достать семена»¹². Эта благостная картина, может, и далека от действительности, но в одном она, несомненно, правдива: Кортес изначально взял ориентацию на создание метисного общества, вовлекая индейцев в общественную и экономическую жизнь колонии, и эта новаторская вполне сознательная установка Кортеса впоследствии воспроизводилась в других землях Испанской Америки.

Масштабы и эффективность колонизаторской деятельности испанцев в Новом Свете ошеломляют. Достаточно привести неполный перечень крупных городов Америки, основанных всего за три десятка лет в эпоху Конкисты. Это будущие столицы Панама (1519), Мехико на месте полно-

План г. Сантьяго в 1552 г.
По эскизу Томаса Тайера Охеда

¹² Cortés H. Cartas de relación de la conquista de México. Cuarta carta de relación. México. Editorial Porrúa. 1971. P. 235.

стью разрушенного Теночтитлана (1521), Гватемала (1524), Сан-Сальвадор (1525), Кито (1533), Лима (1535), Буэнос-Айрес (1536), Асунсьон (1537), Богота (1538), Сантьяго-де-Чили (1541) Ла-Пас (1548). А к ним вдобавок — города Веракрус (1519), Гвадалахара (1530), Мерида (1542) в Мексике, Гуаякиль (1531) в Эквадоре, Попаян (1537) в Колумбии, Маракайбо (1531) в Венесуэле, Потоси (1545) и Санта-Крус (1548) в Боливии, Вальпараисо (1544), Консепсьон (1550) и Вальдивия (1552) в Чили, и это не считая сотен мелких поселений [Кофман, 2006].

Индийский город

Реальные индейские города

Образ туземного города, сложившийся в сознании конкистадоров, более многообразен, контрастен и противоречив. Во-первых, он представлен в двух различных ипостасях: город реальный и город мифический; во-вторых, если испанские города в Новом Свете расположены в исключительно позитивном семантическом поле, то индейский город, будь то реальный или мифический, — пространство контрастное, амбивалентное, желанное и вместе с тем неизбежно опасное.

Для начала обратимся к истории Конкисты. В ней достаточно четко выделяются три периода. Начальный занимает четверть века — с 1493 по 1519 г. Первая дата — крупномасштабная экспедиция Колумба (Cristóbal Colón, 1451–1506) в Новый Свет, предпринятая не столько с исследовательскими, сколько с колонизаторскими целями: тогда на семнадцати кораблях великий мореплаватель уже в звании «Адмирала моря-океана» привез на открытый год назад остров Эспаньолу (нынешний Гаити) полторы тысячи поселенцев и все необходимое для их жизни: скот, лошадей, собак, горы провианта, инструментов, семян, товаров. Вторая дата — начало экспедиции Кортеса в Мексику — обозначает новый период в истории испанского завоевания Америки, грандиозную материковую Конкисту.

Действие начального периода разворачивается преимущественно на Антильских островах, населенных индейскими племенами (араваки, таино, карибы, сибонеи и др.), стоявшими на низком уровне общественного развития. Вопреки своим чаяниям, испанцы не нашли на островах ни городов, ни богатых залежей драгоценных металлов — здесь жили полуголые дикари, с которых и взять-то было нечего, кроме жалких золотых побрякушек. Случалось, индейцы оказывали ожесточенное сопротивление пришельцам, бывало, поднимали восстания, но силы были слишком неравны, и военные действия превращались в избиение младенцев. В результате за четверть века коренное население островов сократилось в десятки раз, а к концу XVI столетия исчезло практически полностью [Кофман, 2006].

Предвестия туземных городов обнаружили в экспедиции Франсиско Эрнандеса де Кордовы (Francisco Hernández de Córdoba, 1467–1517) на Юкатан (1517) за рабами, в которой принимал участие Берналь Диас дель Касти-

льо. Здесь конкистадоры впервые увидели «три высоких дома, выстроенных из камней, скрепленных известью; то были туземные капища, где хранилось множество идолов... И все мы очень возрадовались, узрев те каменные дома и вещицы из золота и поняв, что мы открыли богатую землю...»¹³. Он же описывает, какой ажиотаж начался на Кубе, когда те, кому довелось живыми вернуться из экспедиции (а их оказалась треть от первоначального состава), донесли «превеликие новости» о каменных домах.

«Варварство» и культура городского типа

Ненадолго отвлечемся от городской темы в область европоцентристских классификаций других народов. Одним из ключевых пунктов этих классификаций оставалось понятие «варварства». Надо подчеркнуть, что европеец проводил довольно четкое разграничение между «варварами» и «неверными». Турки, главные враги христиан в то время, не считались варварами, как не относились к ним персы, жители Великой Индии, Китая, Сипанго и другие народы, создавшие цивилизации городского типа. Город — вот, собственно, та грань, что отделяет «не варваров» от «варваров».

Фактически этой же традиции следуют конкистадоры при оценке степени «разумности» индейцев (*gente de razón*). Как показывают тексты конкистадоров, градации от низшей к высшей таковы: «стыд прикрывают» — одежда — чистоплотность — оседлость — умение *vivir políticamente*, то есть четко установленный распорядок жизни общества с социальной иерархией — наконец, на вершине этой пирамиды расположена цивилизация городского типа. По отношению к ее представителям крайне редко употребляется понятие «варвар», несмотря на все их «варварские» обычаи. Оно не возникает ни в хронике Севильского Анонима (Anónimo Sevillano de 1534), когда он рассказывает, как Атауальпа пил чичу из черепа своего врага¹⁴, ни в текстах Кортеса и Берналя, когда они с негодованием описывают практику человеческих жертвоприношений, — в этом случае лишь постоянны отсылки к дьяволу, завладевшему душами индейцев. При этом отвращение к «богомерзким» обычаям не мешает им восхищаться произведениями индейского искусства, отмечать разумность суждений, действий, распорядков [Кофман, 2016: 14–15]. Любопытно при этом отметить, что эстетическое отвращение к идолам вовсе не распространяется на пирамиды и храмы, где совершались жертвоприношения. Конечно, конкистадоры не могли не понимать назначения этих сооружений, но, видимо, культовую архитектуру они воспринимали частью городской среды, а город для них был антиподом варварства [Кофман, 2021: 280–281].

¹³ Díaz del Castillo B. Historia verdadera de la conquista de Nueva España... Cap. II.

¹⁴ Anónimo Sevillano. La conquista de Perú. Los cronistas de la conquista. Biblioteca de cultura peruana. Paris. Desclée de Brouwer. 1938. P. 318.

Получается так, что причастность к культуре городского типа оказывается для конкистадора более значимой, чем религиозно-этические установки, и не позволяет ему причислить к варварам многие американские народы. Практика сопротивляется схемам; европейские стереотипы и классификации рушатся, и начинается этот кризисный процесс прежде всего в сознании конкистадоров [Кофман, 2021: 270].

А теперь мощную кульминацию получит намеченный сюжет с открытием индейских городов, когда конкистадоры, ведомые Кортесом, приближаются к Теночтитлану. Пишет Берналь Диас дель Кастильо: «...И когда мы увидели столько городов и селений на воде, и прочие большие города по берегам, и ту столь ровную дорогу, что вела напрямик в Мехико, мы пришли в восторг и говорили, что все это походило на чудеса, рассказанные в книге про Амадиса <...> а некоторые из наших солдат говорили, что им кажется, будто все это снится. И не надо удивляться, что я пишу об этом в таком тоне, ибо все это достойно восхищения, и я не знаю, как иначе рассказывать о вещах неслыханных, невиданных, какие даже присниться и возмечтаться не могли»¹⁵.

Стоит подробнее рассмотреть и позицию Кортеса, ибо на его примере особенно ясно отразился сложный, противоречивый характер личности испанского конкистадора [Кофман, 2011: 24]. Кортес просто захлебывается от восторга, когда описывает ацтекские города; сам стиль его письма меняется, становится неровным, сбивчивым; в его речи избыточно встречаются слова «красивый», «превосходный», «прекрасный»; он постоянно вынужден прибегать к фигуре умолчания: «Так много и так превосходно все было, что я не могу это описать Вашему Величеству»; «Вступили в город, хотя и небольшой, но превосходивший красотой все, что мы до сих пор видели»; Кортес легко прилагает категорию «прекрасное» даже по отношению к языческим капищам: «Особенно же хороши дома правителей и знатных особ, а также их мечети и молельни, где находятся идолы». Или — вот как он описывает Главный храм, где, как он знал, ежедневно совершались человеческие жертвоприношения: «...Среди оных мечетей есть одна главная, и язык человеческий не способен описать ее величие, диковины и красоты... В той мечети есть около сорока высоких превосходных башен, и в самой большой из них лестница в пятьдесят ступеней, по коим восходят наверх; эта самая главная башня выше башни севильского кафедрального собора. Все башни богато украшены резьбой по камню и по дереву, лучшей работы и отделки не сыскать нигде в мире...»¹⁶.

¹⁵ Díaz del Castillo B. Historia verdadera de la conquista de Nueva España... Cap. LXXXVII.

¹⁶ Кортес Э. Второе послание-реляция императору Карлу V, писанное в Сегура-де-ла-Фронтера 30 октября 1520 года (фрагмент). Пер. Е. Лысенко. Хроники открытия Америки. Новая Испания. Москва. Академический проект. 2000. С. 305, 307, 329–330.

Вместе с тем, как отмечалось выше, индейский город — это пространство амбивалентное, манящее, но притом очень опасное. Индейские города не противостоят пространству, как испанские города, а являются его органической частью, тем самым вбирая в себя его основные характеристики, такие как дикость, неосвященность словом Божьим, враждебность, опасность, непредсказуемость. Если все американское пространство представляет собой зону риска, то индейские населенные пункты являют повышенную зону риска: здесь можно ждать отчаянного сопротивления, обмана, коварного ночного нападения и т.п.

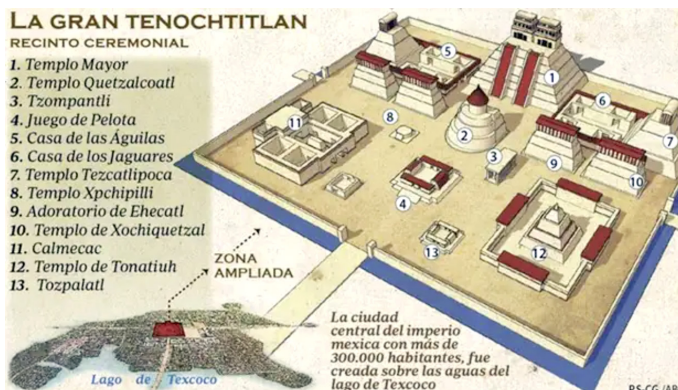

Схема ритуального района Теночтитлана, включая Главный храм.

Комплекс был почти полностью разрушен в 1521 г.

Оборотная сторона индейского города

В полной мере Кортес и Берналь узнали оборотную сторону индейского города во время восстания в Теночтитлане и при отступлении из столицы ацтеков (т.н. «Ночь печали»¹⁷), когда погибло около восьми сотен испанцев и четыре тысячи союзников-тлашкальтеков. А затем была мучительная трехмесячная осада Теночтитлана¹⁸, стоившая немалых жертв. По иронии судьбы Кортесу при осаде Теночтитлана своими же руками пришлось разрушать все то, чем он так неумеренно восторгался. В его письмах возникает и все пронзительнее звучит трагический мотив сожаления о том, что он принужден делать, а вместе с этим мотивом остро проявляется чувство беспомощности и раздвоенности. Надо признать, Кортес прилагал всевозможные усилия, чтобы сохранить «прекраснейший город в мире»¹⁹ и чуть ли не каждодневно посылал правителю ацтеков Куаутемоку (Cuāuhtēmoç, 1521–1525) посланцев с предложением сдаться, но все предложения о мире решительно отвергались. «Нас вынуждали полностью разрушить город, —

¹⁷ «Ночь печали» (исп. la noche triste) — принятое в историографии название поражения, которое потерпели испанцы во главе с Эрнаном Кортесом и их союзники-тласкаланцы, отступив из столицы ацтеков Теночтитлан, в ночь с 30 июня на 1 июля 1520 г. — *Прим. ред.*

¹⁸ Осада Теночтитлана — захват и разрушение столицы ацтеков Эрнаном Кортесом в 1521 г., ознаменовавшее падение империи. — *Прим. ред.*

¹⁹ Cortés H. Cartas de relación de la conquista de México... P. 182.

пишет Кортес, — о чем я очень сожалел, и у меня болела душа (*tenía más sentimiento y me pesaba el alma*)»²⁰. Но ничто не заставит его отказаться от главной цели — взять город любой ценой.

В этом аспекте показательное отношение к индейскому городу заместителя Кортеса Педро де Альварадо (*Pedro de Alvarado*, 1485–1541): его маниакальная подозрительность навязывала ему определенную модель поведения, которая вновь и вновь воспроизводилась — к несчастью для индейцев, да и для самих испанцев. Замкнутое пространство индейского города он всегда воспринимал как угрозу, что в конечном счете выливалось в чудовищные акты насилия, продиктованные скорее подсознанием, нежели здравым смыслом. Сначала он устроил резню ацтекской знати в Теночтитлане, что вызвало всеобщее восстание жителей ацтекской столицы, окончившееся разгромом испанцев. Посланный покорять нынешний штат Оахака, Альварадо был дружелюбно встречен касиком селения Тутутепеке, который разместил испанцев в своем «городе», но Альварадо, оглядев кучно стоявшие деревянные дома, решил, что индейцы готовят ему западню и ночью запалят селение со всех сторон; и тогда он вывел войско на равнину. Стараясь избежать неприятный осадок от встречи, касик одарил испанцев золотом, чем еще сильнее укрепил Альварадо в его подозрениях. По приказу капитана касик был схвачен, закован в кандалы и брошен в темницу, где вскоре умер.

При завоевании Гватемалы к Альварадо прибыло посольство от «королей», двух соправителей земли киче, которые заверили его в дружеских намерениях и пригласили в свой город Утатлан. Далее фатально повторилось то, что произошло в Теночтитлане и в Тутутепеке: охваченный подозрительностью, Альварадо подумал, будто ему готовят западню, а в этом случае он предпочитал не расследовать, а бить первым. Как в Тутутепеке, Альварадо схватил двух соправителей киче и заключил их под стражу. Узнав о том, индейцы бросились на выручку вождей. «И тогда я понял, что лишь разрушив их город и землю, смогу привести туземцев к покорности его величеству, и решил сжечь тех правителей, каковые перед казнью признались мне, что именно они приказали вести против меня войну и замыслили сжечь нас в городе и с этим умыслом заманили меня туда»²¹. И когда прознал я об этом злом умысле против слуги Вашего Величества, то для блага и спокойствия сей земли я их сжег и приказал спалить тот город, ибо он был столь опасен и укреплен, что больше походил на разбойничье гнездо, нежели на мирное поселение»²².

В приведенном фрагменте, помимо прочего, обращают на себя внимание два любопытных момента. Когда речь идет об индейском поселении, восприятие открытого и замкнутого пространства радикально меняется:

²⁰ Cortés H. *Cartas de relación de la conquista de México*. ... P. 167.

²¹ Можно не сомневаться в том, что «признание» было добыто под пытками. — *Прим. авт.*

²² Alvarado P. de. *Relaciones a Hernando Cortés. Historiadores primitivos de Indias*. T. 1. Madrid. Kromberg. 1931. P. 458.

разомкнутое пространство равнины мыслится безопасным и защищенным, а замкнутое пространство города — смертельно опасным. Другая немаловажная деталь состоит в том, что индейский город воспринимается как центр и средоточие враждебного пространства, и потому разрушение города представляется тождественным разрушению окружающего пространства. Соответственно, взятие города или его удержание в своей власти (особенно, когда речь идет о столице) аналогично подчинению пространства — эту мысль ясно выражает Кортес в отношении к Теночтитлану: «Ежели он будет утрачен, мы потеряем все прочие завоеванные провинции, ибо город тот был глава всему, и все ему повиновались»²³.

Обратим внимание еще на один существенный момент. Подлинное удивление вызывает, например, факт того, что 23 марта 1534 г. Писарро (Francisco Pizarro, 1478–1541) основал город Куско. Как это можно основать город, основанный триста лет назад и сохранившийся в своем архитектурном великолепии? Не только можно, но и нужно.

Дело в том, что в восприятии испанского завоевателя пространство Нового Света находится как бы в начальной точке истории, агентами которой мыслят себя испанцы. Конкистадора, в отличие от хронистов и миссионеров, история индейских сообществ и государств интересует лишь в той мере, в какой она имеет отношение к его собственному присутствию на этих землях. Что же касается возникновения и многолетнего развития

Основание Лимы (1535 г.) Хосе Эффио. 1897

этих государств, то все это проходит мимо сознания испанских завоевателей, поскольку для них это не история, а предыстория, мало их интересующая. По их убеждению, подлинную историю этих земель, историю христианскую, начинают они [Кофман, 2011: 22]. Вот почему индейские города, после того как они были покорены испанцами, подлежат торжественному акту основания, такому же, как новооснованные испанские города, — с чтением нотариально заверенного акта и с молебном. Тем самым история, языческое прошлое индейского города будут перечеркнуты раз и навсегда, после чего преобразенный испанский, христианский город начнет новую жизнь.

²³ Кортес Э. Второе послание-реляция императору Карлу V... С. 94.

Мифические индейские города

Изумление может вызвать и следующее утверждение автора статьи: в истории испанского исследования и завоевания Нового Света мифические индейские города сыграли куда большую роль, нежели туземные реальные города. Конкисту многие воспринимают как предприятие чисто прагматическое, имевшее целью грабеж и эксплуатацию индейцев. Однако главным стимулом Конкисты стали поиски мифических царств и городов, и потому без особого преувеличения можно сказать, что испанское завоевание Америки в большой степени явилось предприятием «фантастическим», диктовавшимся прихотями разгоряченной фантазии конкистадоров [Кофман, 2011: 17]. Большинство широкомасштабных экспедиций в Америке было совершено именно в погоне за химерами, такими как капище Дабайба в Центральной Америке, страны Сибола Семи Городов, Великая Кивира, Тегуайо, Копала, Топира в Северной Америке; Эльдorado, Мета, Херира, Великий Пайтити, Серебряное царство, город Двенадцати Цезарей, золотой храм Дом Солнца в Южной Америке²⁴; плюс к тому множество экспедиций совершалось в поисках некоей, пока еще безымянной богатой страны. В практическом отношении все эти бесчисленные экспедиции оказывались бесплодны и стоили немалых жертв — хорошо еще, если возвращалась пятая часть первоначального личного состава. Зато трудно переоценить географические открытия, совершенные в этих экспедициях. Получилось так, что именно мифические царства и города способствовали тому, что громадные неизведанные земли в ареале испанского завоевания были в общих чертах обследованы в кратчайший исторический срок. Будь иначе — стали бы испанцы надрываться, чтобы открыть гору, озеро, равнину, пустыню?

Вернемся к понятию *tierra adentro*. «Глубь земли», как и многие прочие элементы американского пространства, — образ амбивалентный. С одной стороны, это зона неведомого, зона повышенного риска, смертельной опасности. Однако, с другой стороны, глубь земли неодолимо влечет конкистадоров своими тайнами, открытиями, обещаниями. *Tierra adentro* — это пространство воображаемое, мифогенная зона, а воображение конкистадоров рисует картины одна заманчивее другой. Когда речь идет о городе (*ciudad*), расположенном, как правило, где-то «в глубине земли», то в этом случае населенный пункт обретает повышенно мифологический статус, выступая в образе великолепного, чудесного града, обещающего завоевателям немислимые богатства. В сознании конкистадоров, безусловно, присутствует преобразенный образ сакрального центра, хотя этого словосочетания они, конечно, не знали. В роли сакрального центра выступает мифический топос, представленный одним из многочисленных вариантов мифа об Эльдorado, а находится этот топос если не на острове, то всегда «в глубине земли»:

²⁴ Ряд мифических легендарных мест, городов, царств в Новом Свете, которые пытались отыскать конкистадоры в погоне за несметными сокровищами. — Прим. ред.

«Как сообщили Губернатору, впереди, в глубине земли, индейцы молятся идолам из золота и серебра...»²⁵; «...и здесь нам говорили индейцы, что все, что в этом доме сделано из глины, в глубине страны делается из золота и серебра»²⁶. Конкистадор Эрнандо де Рибера (Hernando de Ribera, XV–XVI), со слов индейцев, сообщает о таких больших городах в глубине земли, что «их не пройдешь и за день, и у жителей их так много белого и желтого металла, что из него сделана мебель и посуда (*con ello se sirven en sus casas*)»²⁷. Тот же Альварадо с воодушевлением извещает Кортеса: «От туземцев сей земли я получил новости о чудесных и огромных зданиях и о величии городов, что лежат впереди...»; «Отсюда я пойду на поиски провинции Тапалан, что расположена в пятнадцати днях пути в глубине земли, и, как мне сообщили, сей город по величине не уступает Мехико и в нем полно огромных каменных зданий...»²⁸. Позже само название мифической страны Сибола Семи Городов внушало такие завышенные ожидания, что благоразумный вице-король Новой Испании Антонио де Мендоса (Antonio de Mendoza y Pacheco, 1535–1550) не поскупился на расходы на экспедицию Коронадо.

Настоящий «психоз» поисков Эльдorado в его различных названиях и вариантах начался после завоевания Перу. В Южной Америке наибольшее распространение получила версия, согласно которой тот или иной город в «глубине земли» был основан инками, которые, спасаясь от испанцев, бежали из Перу, прихватив большую часть своих сокровищ. Этот «психоз» продлился почти 300 лет: последняя широкомасштабная экспедиция в поисках Эльдorado была предпринята в Гвиану в 1775 г.

О поисках в Америке мифических стран и городов написано немало книг [Baile, 1930; Ballesteros Gaibrois, 1986; Fernandez de Castillejo, 1945; Gandia, 1929; Lachtman, 1929; Morales, 1944; Ramos Perez, 1973; Zapata Collan, 1963; Кофман, 2001]. Не место здесь останавливаться на необыкновенных сюжетах, переполняющих эти книги. Но имеет смысл привести три случая, иллюстрирующих веру испанцев в чудеса и богатства Нового Света, которая была настолько сильна, что порождала «мифологические галлюцинации».

Один случай описывает Берналь: когда испанцы подходили к городу Семпоала, одному из всадников беленные известью дома показались сделанными из серебра, «и он прищпорил лошадь и примчался к Кортесу, крича, что стены домов выстроены из серебра». Потом над ним долго потешались и говорили, что все белое он принимает за серебро²⁹. Второй — знаменитое

²⁵ Núñez Cabeza de Vaca A. Comentarios de Alvar Núñez Cabeza de Vaca, adelantado y gobernador del Río de la Plata... Naufragios y comentarios. México. Porrúa. 1988. P. 154.

²⁶ Карвахаль Г. де. Повествование о новооткрытии достославной великой реки Амазонок. URL: <https://drevlit.ru/docs/spain/XVI/Karhaval/text2.php> (accessed: 03.01.2024).

²⁷ Núñez Cabeza de Vaca A. Comentarios de Alvar Núñez Cabeza de Vaca... P. 200.

²⁸ Alvarado P. de. Relaciones a Hernando Cortés... P. 459, 463.

²⁹ Díaz del Castillo B. Historia verdadera de la conquista de Nueva España... P. 179.

«Донесение» («Relación», 1539) фрая Маркоса (Marcos de Niza, 1495–1558), которого вице-король Новой Испании (Мексики) отправил с разведывательным отрядом на север, в страну Сибола Семи Городов. Увидев пуэбло Хавихук индейцев племени зуньи с населением около тысячи человек, он доложил вице-королю: «Город сей превосходит по величине Мехико. Иногда меня охватывало искушение войти в него, ибо я знал, что не рискую ничем, кроме собственной жизни, а ее я посвятил Господу с того дня, как отправился в сие путешествие. Но в конце концов, сознавая опасность такого поступка, я испугался, что в случае моей смерти некому будет поведать миру об этой стране, каковая, согласно моему мнению, является величайшей и лучшей из всех, открытых в прошлом»³⁰. Когда же новоявленного «Теночтитлана» достигла специально посланная мощная экспедиция Коронадо, то, по свидетельству хрониста похода Педро де Кастаньеды, испанцы осыпали Маркоса ужасными проклятиями.

Другой, на сей раз загадочный, эпизод, который долгое время не давал покоя искателям Эльдорадо и до сих пор вызывает недоумение историков, произошел в экспедиции Филиппа фон Гуттена (Philipp von Hutten, 1505–1546), самой длительной из всех, предпринятых в поисках Эльдорадо (1541–1546). К концу 1544 г. Гуттен, двигаясь на юг из Венесуэлы, вышел на Амазонскую низменность и достиг экватора. По заверениям участников похода, а также по многочисленным свидетельствам хронистов, конкистадоры вторглись во владения государства омагуа и приблизились к их столице, пышному городу Куарика. Вот как его описывает Педро де Агуадо (Pedro de Aguado, 1538–1609): «С той возвышенности сам генерал-капитан и все, кто его сопровождал, увидели неподалеку город огромных размеров, таких, что даже вблизи невозможно было разглядеть, где он кончается; в том городе дома стояли кучно, но по порядку, а в середине находилось здание, размерами и высотой намного превосходящее все прочие дома; и когда спросили индейца-проводника, что это за строение, столь отличное по своей пышности от прочих, тот ответил, что это дворец правителя сего города Куарика и что во дворце том, помимо золотых идолов размером с подростка и золотого изваяния женщины, которую почитают богиней, есть и иные сокровища...»³¹. Это описание воспроизводят два других венесуэльских хрониста, Хосе де Овьедо-и-Баньос (José de Oviedo y Baños, 1671–1738) и Педро Симон (Pedro Simón, 1574–1628). Между тем впоследствии никто так никогда и не смог отыскать в тех глухих краях ни этого города, ни могущественных омагуа [Кофман, 2001]. Трудно предположить, будто участники похода сговорились между собой и намеренно вводили людей в заблуждение. Тогда что же?

³⁰ Hammond G.P., Rey A. Narratives of the Coronado expedition, 1540–1542. Albuquerque. University of New Mexico Press. 1940. P. 78–79.

³¹ Aguado P. de. Recopilación historial de Venezuela. Vol. I. Caracas. Academia Nacional de la Historia. 1963. P. 264.

Очевидно, снова мифологическая галлюцинация, когда индейская деревушка преобразилась в огромный город. Как бы там ни было, Гуттен породил еще один вариант Эльдорадо — миф о могущественном государстве омагуа.

* * *

«Городской опыт» Нового Света, включая основания городов, семантику и функционирование образа города и прочие аспекты, связанные с темой города, отличался от европейского опыта. Действительно, трудно представить, что в Западной Европе XVI в., где вся земля поделена-переделена, где каждый клочок земли имеет своего хозяина, основывается новый город. Да и зачем его закладывать, когда возникших со времен Средневековья предостаточно? И уж совсем невозможно представить в Европе мифический город, на поиски которого отправляются мощные экспедиции. Своеобразие «городского опыта» в Новом Свете обусловлено в первую очередь самим пространством Нового Света, неизведанным девственным пространством двух материков, на котором разыгрывался беспрецедентный в истории человечества театр Конкисты.

Список литературы / References

Кофман А.Ф. (2001) *Америка несбывшихся чудес*, Москва, Профобразование, 352 с.
Kofman A.F. (2001) *Amerika nesbyvshikhsya chudes* [America of Unfulfilled Miracles], Moscow, Profobrazovanie, 352 p. (In Russian)

Кофман А.Ф. (2006) *Рыцари нового света*, Москва, Пан Пресс, 261 с.
Kofman A.F. (2006) *Rytsari novogo sveta* [Knights of the New World], Moscow, Pan Press, 261 p. (In Russian)

Кофман А.Ф. (2007) Колумб, открывший Другой Свет (научная конференция в ИМЛИ РАН, продолжение), *Латинская Америка*, № 6, с. 57–65.

Kofman A.F. (2007) Kolumb, otkryvshii Drugoi Svet (nauchnaya konferentsiya v IMLI RAN, prodolzhenie), [Columbus, who discovered the Other World (scientific conference at the Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences, continued)], *Latinskaya Amerika*, no. 6, pp. 57–65.

Кофман А.Ф. (2011) Испанский конкистадор: личность на перекрестке эпох, пространств и культур, *Вопросы иберо-романистики*, № 11, с. 16–27.

Kofman A.F. (2011) Ispanskii konkistador: lichnost' na perekrestke epokh, prostranstv i kul'tur [The Spanish Conquistador: a personality at the crossroads of epochs, spaces and cultures], *Voprosy ibero-romanistiki*, no. 11, pp. 16–27.

Кофман А.Ф. (2016) Тема варварства в испаноамериканской литературе, *Литература двух Америк*, № 1, с. 8–49.

Kofman A.F. (2016) Tema varvarstva v ispanoamerikanskoi literature [The theme of barbarism in Spanish American literature], *Literatura dvukh Amerik*, no. 1, pp. 8–49.

Кофман А.Ф. (2021) Индейцы в восприятии конкистадора: встреча цивилизаций, *Пространство безграничной словесности: Сборник статей к 70-летию В.Е. Багно*, под ред. Головина В.В. и др., СПб, Нестор-История, с. 267–286.

Kofman A.F. (2021) *Indeitsy v vospriyatii konkistadora: vstrecha tsivilizatsii* [Indians in the perception of the Conquistador: the meeting of civilizations], in Golovin V.V. et al. (eds.) *Prostranstvo bezgranichnoi slovesnosti: Sbornik statei k 70-letiyu V.E. Bagno* [The space of boundless literature: A collection of articles dedicated to the 70th anniversary of V.E. Bagno], St. Petersburg, Nestor-Istoriya, pp. 267–286.

Кофман А.Ф. (2022) Эрнан Кортес. Первое послание-реляция императору. Основание города Веракрус. Перевод с комментариями (окончание), *Латинская Америка*, № 4, с. 6–22. DOI: 10.31857/S0044748X0019314-4.

Kofman A.F. (2022) *Ernan Kortes. Pervoe poslanie-relyatsiya imperatoru. Osnovanie goroda Verakrus. Perevod s kommentariyami (okonchanie)* [Hernan Cortes. The First Relation Letter to the Emperor. Foundation of the Town of Vera Cruz. Commented Translation (The End)], *Latinskaya Amerika*, no. 4, pp. 6–22. DOI: 10.31857/S0044748X0019314-4.

Baile C. (1930) *El dorado fantasma* [The phantom gold], Madrid, Razón y fe, 488 p. (In Spanish)

Ballesteros Gaibrois M. (1986) *La novedad Indiana: noticias, informaciones y testimonios de Nuevo Mundo* [New Indiana: news, information and testimonials from the New World], Madrid, Alhambra, 433 p. (In Spanish)

Durand J. (1953) *La transformación social del conquistador* [The Social Transformation of the Conquistadors], México, Porrúa y Obregón, 95 p. (In Spanish)

Fernandez de Castillejo F. (1945) *La ilusión de la conquista. Genesis de los mitos y las leyendas americanos* [The illusion of conquest. Genesis of American myths and legends], Buenos Aires, Editorial Atalaya, 157 p. (In Spanish)

Gandia E. de. (1929) *Historia critica de los mitos de la conquista Americana* [Critical History of the Myths of the American Conquest], Madrid, Juan Roldan Y Compania, 283 p. (In Spanish)

Lachtman R. (1929) *La leyenda de los Césares* [The legend of the Caesars], Santiago de Chile, Imprenta Cervantes, 211 p. (In Spanish)

Morales E. (1944) *La ciudad encantada de la Patagonia* [The enchanted city of Patagonia], Buenos Aires, Emecé editores, 95 p. (In Spanish)

Ramos Pérez D. (1973) *Mito de El Dorado. Su genesis y proceso* [Myth of El Dorado. Its genesis and process], Caracas, Academia Nacional de la Historia, 718 p. (In Spanish)

Zapata Collan A. (1963) *Mito y superstición en la conquista de América* [Myth and superstition in the conquest of America], Buenos Aires, Eudeba, 108 p. (In Spanish)